

Д.Н. Федорова

Федорова Дина Николаевна, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, аспирант сектора этноистории ИИиА УрО РАН.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (на материалах британской историографии)*

Аннотация: В статье на основе привлечения широкого круга исследовательской литературы, как британской, так и континентальной европейской, исследуются особенности формирования постимперского менталитета. Автор приходит к выводу о болезненности в осмыслении колониального прошлого, но вместе с тем подчеркивает, что образ Британской империи до сих пор остается важнейшим фактором формирования британской идентичности.

Ключевые слова: постимперское общество; британская идентичность; историческая память.

Ведущий лондонского радишоу LBC (London Biggest Conversation) С. Алэн после выхода английской сборной из чемпионата мира 2010 г. резюмировал общие настроения так: «Большинство болеющих за английскую сборную англичан — это люди, которые, сожалея о том, что мы больше не правим этим миром, хотят, чтобы мы дрались с противником на стадионах так, как мы когда-то [во времена Империи] дрались с ним на чужих берегах. Но мы больше не правим миром и слишком многого ожидаем от футбола» (1).

Прошлое не может быть вычеркнуто или забыто, оно возвращается в жизнь общества особым путем — в ситуациях, связанных с историей и актуализирующих самосознание. Процесс принятия и усвоения тех или иных вариантов исторической памяти является базовой составляющей национальной (гражданской) и/или этнической (культурной) идентичности общества, и «этничность сродни иммунной системе, которая активизируется при кризисах и вирусах, а в здоровом теле несприметна, будто дремлет» (2).

---

* Работа проводилась при поддержке гранта РГНФ 10-01-00241а в рамках проекта «Идентичность и мультикультурализм в условиях постимперскости (на материалах Великобритании)» (рук. Головинёв А.В.) и гранта РГНФ поддержки молодых ученых 11-31-00329а2 (рук. Д.Н. Федорова).

Общество переходного, постимперского периода в поисках новой идентичности создает различные меморационные конструкции, и прошлое становится неким ориентиром, маяком в океане множества идей, проектов, стратегий. Но на этом фоне возможно и возникновение спекуляций, последствия развития которых могут выходить за рамки ожиданий. Концепты «исторической памяти» и «идентичности» являются серьезным ресурсом в деле изучения ментального состояния общества, того, как множественные культурные и парадигмальные модели создают и структурируют настоящее через прошлое.

В середине XX в. рухнула Britannica, невиданная по размаху и мощи империя, над которой «никогда не заходит солнце», которая не была для британцев исключительно источником наживы или сугубо подконтрольными Лондону территориями. Ее воспринимали как взаимосвязанную корпорацию, естественный и единственно правильный порядок вещей. В результате произошло то, что сегодня принято называть «постимперским синдромом». Распад империи означал не только трансформацию государственного или политического строя. Империя имела для ее граждан, особенно англичан, экзистенциальный смысл, определяла их мироощущение, к ней относились как к живому организму, вызывавшему особые чувства. Смерть этого организма привела к формированию специфических отношений живых и мертвых (3), специальных коммеморационных практик, пронизывающих культуру, политику и экономику общества.

Общим фоном для данных явлений, уже в 1990-е гг., стала попытка британского общества ответить на вопрос, кто такие сегодняшние британцы, в чем ценности их прошлого и цели будущего — иными словами, что сегодня представляет собой британскость (Britishness), британская национальная идентичность, и какова в ней роль английскости (Englishness). Проблемой Великобритании этого периода является то, что регионы «кельтской периферии» обладают некой автономией, но сердцем Великобритании, как и во времена империи, остается не Шотландия или Уэльс, а Англия, и англичане составляют доминирующую нацию. Как пишет А. Боком, с потерей «внешней и внутренней империи» название «Англия», прежде ассоциировавшееся с метрополией вообще, стало обозначать ту землю, которой больше не существует (4). Понятия Англия и Британская империя (вместе со всем колониальным «наследием») сегодня настолько слиты воедино, что синонимичными их считают не только сами жители Британских островов, но и жители других стран (5).

Отношения империи, империализма и современной британской идентичности (6) необычайно противоречивы: с одной стороны, империя является своего рода «территорией» ностальгической британскости

и английскости, а с другой — является символом противоречий и столкновений народов, составляющих сегодня британское общество. Говорить, что представляет собой сегодня британскость и какова роль в этом империи не менее сложно, чем пытаться рассуждать о российскости и «российском народе». Однако в британской историографии существует обширный ряд мнений на этот счет. Попробуем их кратко рассмотреть.

ИМПЕРИЯ И «КОРЕННЫЕ БРИТАНЦЫ»

История всегда являлась особой отраслью культивирования национальных мифов. Национальные истории — в какой-то мере истории осознания нациями самих себя в качестве субъектов. В этом смысле верен афоризм «нации создаются историками» (7). М. Хальбвакс подчеркивает, что культурная память, переходящая из поколения в поколение и создающая особые семиотические образы, имеет сакральную природу и не распространяется сама собой, и всегда имеет своих особых носителей (жрецов, учителей, профессиональных историков) (8). Поскольку, как отмечают многие антропологи и политологи, генераторами, носителями и выразителями исторической памяти являются интеллектуальные и политические элиты (9), изучать данное явление целесообразно с учетом их персональных позиций.

Большинством исследователей идентичности британцев признается, что имперский менталитет, то есть мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, мессианизм, ощущение англосаксонской исключительности, в значительной степени свойствен им и по сей день (10). Н. Фергюсон и отдельные представители оксфордской исторической школы рассматривают Британскую империю как идеальную систему, в которой гражданская нация (в том числе колонизированные народы) сформировалась, пребывала в единстве и процветала под началом англичан (11). По мнению других, например, представителя манчестерской школы Дж. Макензи, империализм был частью культурной идентичности британцев только в определенное время — с началом появления «нового империализма» в 1870-е гг., на протяжении I и II Мировых войн и в 1960-е гг. (12). Современным «историографическим мифом» считается утверждение о том, что во времена империи произошло окончательное закрепление противоречий между англичанами и шотландцами, валлийцами, ирландцами, в чем англичане и «английский национализм» сыграли решающую роль. В 1990-е гг. это привело Великобританию к своего рода «параду суверенитетов», негласному вето на англоцентризм в истории и культуре. Данное направление получило условное название ревизионистского — под его знаменем проходят основные дискуссии о

вкладе шотландского, валлийского и других народов в развитие концепции британскости.

Подобный подход, естественно, особенно популярен в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. а также среди интеллектуалов индо-пакистанского происхождения. Шотландский исследователь М. Сторри, например, полагает, что Соединенное Королевство представляет собой Англию с другими странами, которые были присоединены к ней в «добровольно-принудительном» порядке, подобно союзным республикам в составе СССР.

Частью идентичности является и чувство связи с французами. С 1990-х гг. наиболее обсуждаемым в Британии стало исследование Л. Коллей. Автор приходит к выводу, что общность британцев возникла из-за конфронтации с Другим — в результате «Столетней войны» с Францией (от Девятилетней войны 1689–1697 гг. до окончания войн с Наполеоном в 1815 г.) (13). Историк Дж. Гиллингом в своем труде «История английских королей» указывает, что причиной формирования национального самосознания и чувства превосходства англичан стала женитьба в VI веке короля Этельберта I на Берте, дочери Rex Francorum, и «в силу этой связи с французами варварский когда-то народ стал отходить от своих диких порядков и склоняться к более благообразному образу жизни» (14). П. Вард, рассуждая о влиянии империи на британскость, утверждает, что опыт империализма не привнес чего-то принципиально нового британцам, а лишь актуализировал и расширил в пределах империи уже сформированные в Англии доимперского периода черты идентичности — чувство уникальности и превосходства, богоизбранности англичан (15).

Однако все больше исследователей, в частности, т.н. ревизионисты, стремятся отойти от какого-либо этноцентризма. Х. Керни рассматривал историческую общность четырех равных по своему вкладу в становление британской идентичности, наций (англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы) (16). К. Вудвард пишет, что хотя и считается, что официальным «началом» британскости стал акт 1707 (Act of Union), Великобритания в то время представляла собой далеко не единую нацию, а расплывчатый конгломерат. Британскость являлась мешаниной валлийскости, шотландскости, английскости, которые, в свою очередь, были разделены на различные локальные идентичности (по принадлежности к деревне, городу, семье, ландшафтам и пр.). Современная британскость, по мнению исследовательницы, развивалась вокруг пяти столпов: островная география, религия протестантизма и католицизма, различные войны XVII–XX вв., империя-земля-коммерция, монархия. Действующие силы — этнические элиты коренных народов Британии, консолидирующиеся под действием факторов экономического (коммерче-

ского, в первую очередь) и политического успеха империи, развития земельных отношений. Английские аристократы интенсивно приобретали шотландские и валлийские поместья, и наоборот, шотландская и валлийская элита роднилась с английской элитой или покупала себе право быть таковой. В конце концов экономическое и культурное доминирование англичан привело к тому, что шотландские и ирландские джентри вынуждены были искать возможности развития в пределах всей империи, создавая в заморских землях новый тип идентичности, имперский (17).

Дж. Паксман, пытаясь показать историческую неправомерность англоцентризма, пишет о том, что шотландцы стали основными создателями Британской империи; а именно когда их мечты о собственной империи рухнули после безуспешной попытки основать колонию на Панамском перешейке в 1698 году. Знаменитый сигнал в Трафальгарском сражении — «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг» — якобы поднял шотландец Джон Робертсон (17). Такие исследователи, как Э. Бёттнер и вовсе пишут, что империя была в большей степени британской, нежели английской: в белых колониальных поселениях процентное отношение народов было более сбалансированное, чем в метрополии (если в Британии шотландское население составляло 10 % в 1901 г., то в Австралии — 15 %, Канаде 20 %, Новой Зеландии 23 %) (18). В имперской Индии главным социальным событием было празднование дня Святого Эндрю, особо почитаемого в Шотландии, и, таким образом, удовлетворялись и шотландский, и имперский патриотизм (19). Одним из следствий того факта, что с Британией и Британской империей связано столько валлийских и шотландских амбиций, является то, что ни в Уэльсе, ни в Шотландии не так много националистических движений, которые шли бы дальше лозунга «Мы ненавидим англичан».

Наибольшее количество негативных гетеростереотипов относится к ирландцам. Английское господство в Ирландии всегда было шатким, поэтому англичане вели себя там с надменностью. В журнале «Панч» 1880-х гг. появляются заметки о том, что в районах Лондона и Ливерпуля обнаружено «недостающее звено» в эволюции человека — «ирландский йеху»: «Когда говоришь с ему подобными, они несут какую-то чепуху... Ирландский йеху обычно обитает в пределах своей территории и покидает их, лишь чтобы добыть себе пропитание. Иногда, правда, это животное вдруг впадает в возбуждение и нападает на цивилизованных человеческих существ». В этом же журнале помещена карикатура с изображением ирландского Франкенштейна, ужасного и неотесанного чудовища (20).

Однако сам факт того, что Ирландия была явной колонией, где английские колонизаторы принадлежали к иной религиозной конфессии и «человеческой расе», и за ними стояла оккупационная армия, пошел Ирландии на пользу. Как только развалилась империя, Ирландия сумела сформировать индивидуальный образ в Европейском союзе, в отличие части британских островов, над которыми висел груз уже не существующей империи (21).

Как получилось, что англичанам сходили с рук все их предвзятые мнения? Дж. Паксман пишет, что, во-первых, они, бесспорно, доминировали на островах, владели самой преуспевающей империей в мире к XIX в., и их мало интересовало, что думали другие. А во-вторых, у многих кельтов был комплекс неполноценности по отношению к родным местам: англо-саксонской империи кельты могли противопоставить лишь исчезающие культурные достижения. Древняя цивилизация, к которой они якобы принадлежат, была культурой устной, и каких бы вершин она не достигала, их унесли с собой в могилу друиды (22).

ИМПЕРИЯ, МОНАРХИЯ, КЛАССЫ

По крайней мере с конца XIX до конца XX вв. монархия играла очень важную роль в становлении и отпавлении британскости. По П. Варду, империя сама по себе ничего бы не значила для британскости без института монархии. Королева, монархия были символами империи (Д. Кэннадайн пишет, что играли роль даже такие вещи, как платье Елизаветы II во время коронации 1953 года, где были изображены эмблемы доминионов, войска содружества; там же присутствовали премьер-министры Доминионов и Индии, и главы колониальных протекторатов) (23). Автор утверждает, что империя, а точнее спровоцированное самим ее существованием развитие дешевых коммерческих масс-медиа, позволили поднять престиж монархии, сделать ее популярной, сплотить вокруг нее население. Монархическая пропаганда, организация и освещение в СМИ различных пышных юбилеев, коронаций и прочих королевских (позиционировавшихся как собственно имперских) празднеств с течением времени все больше ставили монархию в центр национальной идентичности всех британцев (24). Как отмечает Р. Самюэль, вся внешняя имперская символика являлась отражением внутренней английской монархической — в архитектуре, монетах, печатях, почтовых конвертах и пр., также как и в сочетании символических мест и территорий, зданий, изображений, статуй, обрядов и обычаев (25).

П. Вард обращает внимание, что не только празднества сплотили британцев, но и особый институт благотворительности: члены королевской семьи все чаще с конца XIX в. стали «выходить в народ» и по-

особенному поощрять благотворителей, вообще людей, проявивших себя в чем-либо. Так, исследователь пишет об особом значении писем королевы Александры Датской во время II Мировой войны в знак признательности тем, кто пожертвовал деньги фонду ее мужа по оказанию помощи слепым солдатам: людей переполняла гордость за родину, ощущения величия монархов и значимости собственного вклада в развитие страны. Такого рода «физические контакты» способствовали формированию патриотизма, желанию защищать королевскую семью во всех владениях империи. Особенно много, безусловно, сделала для этого королева Виктория — незаурядная личность, ставшая символом империи, процветания и могущества Великобритании. Королева, как отмечает Вард, впервые за историю монархии сумела соединить публичное и приватное, управление, замужество и материнство (9 детей). Именно с этих пор стали говорить о ней не только как о правительнице, но и женщине, матери, а о королевской семье как о чем-то не только величественном, но и светлом, близком каждому британцу. Также королева сыграла важную роль в формировании новых идеалов английской, британской женскости — женщина как добропорядочная мать семейства, хранительница очага, благотворительница, активный общественный деятель (26).

Репрезентация монархии как главы всей «национальной семьи» лишь отчасти помогла преодолеть внутренние социальные и географические различия. Монархия ассоциировалась с Англией и английскостью (27). Тем не менее, монархия и империализм создавали условия для синтсирования различных этнических самосознаний. Например, использование символов шотландскости в общеимперской символике пошло от интереса англичан к «туристической Шотландии» (королева Виктория очень любила путешествовать по горам Шотландии, построила королевскую резиденцию в Балморале, а принц Альберт спроектировал дом в «шотландском баронском стиле», стал иногда носить одежду из шотландки, клетчатой шерстяной ткани) (28).

Многие историки склоняются к тому, что решающую роль в становлении идентичности сыграли выходцы из среднего класса. Именно они, по мнению Р. Прайса, были носителями имперского энтузиазма; они не входили в зону классового лояльности высшего общества, с одной стороны, а с другой, сознательно не инкорпорировались в организацию рабочего класса, обращаясь к риторике коллективности, «национальности» империи. Аристократы же не слишком нуждались в империи и имперских войнах, так как имели достаточно, а необразованный рабочий класс интересовался в основном насущными материальными нуждами, вполне удовлетворяясь своей жизнью в рамках общины (29).

ИМПЕРИЯ И «ВОСТОК»

Поиск национальной идентичности в Великобритании не сводится к противопоставлениям этнических групп, издавна обитавших на Британских островах. Контекстом такой идентичности была огромная империя с населявшими ее «другими» народами.

С. Энлоу пишет, что во времена империи в колонизированных странах происходило выстраивание образа британца, англичанина. «Европейский “ориентализм” внушал мысль о беззащитности восточных культур, оправдывая имперское господство во имя «цивилизации». Получалось, что восточные женщины, страдающие в своей чадре, нуждались в защите со стороны европейских мужчин». Взаимоотношения с Востоком являлись фактором формирования особой модели мужественности у британцев. Во времена империи британские лидеры были заинтересованы в поддержке ее надлежащих форм, обеспечивающих прочность государства. В частности, по мнению исследовательницы, Крымская и Бурская войны привели к инициативам по «исправлению» форм мужественности. Основание движения бойскаутов в 1908 г., инициатором которого стал Р. Баден-Пауэлл, было реакцией на распространение венерических заболеваний, смешанные межрасовые браки и падение рождаемости, ведущие якобы к закату Британской империи. «Баден-Пауэлл и другие британские империалисты находили, что отличие от поведения восточных мужчин, а именно увлеченность спортом в купе с почтением к уважаемой женщине, и есть залог успеха Британской империи» (30).

Как отмечает Л. Шнайдер, в конце XX в. считалось, что британское сообщество само по себе создаст притягательный для иммигрантов культурный образец, способствующий интеграции, и этот взгляд на сущность британской идентичности представляет собой инверсию традиционного английского национализма, центральная идея которого состоит в культурном превосходстве и особой цивилизаторской миссии англичан. В современном «мультикультурном» варианте эта идея исходит из того, что английский национальный характер исторически формировался на основе комплекса универсальных гуманитарных идей (христианский гуманизм, либерализм и др.), которые являются благом не только для самих британцев, но и для подданных Британской империи, включая народы Азии, Африки и Вост-Индии (31). Д. Джуд также говорит об империи и мессианизме, в котором британские политики и интеллектуалы (Дж. Чемберлен, У. Черчилль, Р. Киплинг, С. Родс, Р. Баден-Пауэлл) видели средство сплочения различных народов, как о базовом компоненте национальной идентичности. Д. Кэннадайн пишет, что британская метрополия культивировала в колониях представления о социальной иерархии и господстве закона, а не об этничности. Тем са-

мым империя воссоздавала в различных частях света относительно однородный социальный, политический и правовой строй, сплавляющий народы чувством принадлежности к единым ценностям, к единой гражданской нации (32).

С конца 1980-х гг. британские исследователи национальной идентичности (например, Р. Самюэль) все чаще настаивают на том, что признание расово-культурных различий внутри «новой» британской нации требует не столь уж значительных концептуальных изменений в понимании процесса формирования британского общества, поскольку вся британская история – это преемственность разнородных этнических групп (кельты, римляне, англы, юты, саксы, датчане, норвежцы, нормандцы, бретонцы, французы и др.), прибывавших на Британские острова и периодически сообщавших проблемный характер самой британской или английской идентичности (33).

Журнал «История сегодня» (History Today) на протяжении всех 1990-х гг. регулярно публикует заметки о генетических исследованиях предков современных британцев, статьи по генеалогии отдельных семей. Среди них появляются и статьи, рассказывающие о чернокожих британцах и их влиянии на идентичность британского общества, начавшемся еще с XVII–XVIII вв. (с того времени, когда африканцы в качестве слуг появились в семьях английских купцов). Примером может служить статья исследовательницы «семейной истории» К. Чэтер, которая среди своих предков первой половины XVIII в. обнаружила черного африканца-слугу Дж. Сципио. Чэтер подчеркивает, что в отличие от Нового Света, где господствующее белое меньшинство всегда испытывало страх перед массами черных рабов, в Великобритании XVIII в. цвет кожи не имел какого-либо правового значения. Они оказали влияние на формирование плюралистичности британской культуры, явились причиной множества достижений, в частности в области музыки и танца (34).

Д. Кэннадайн же в «History Today» писал, что в XIX–XX вв. отношение британцев к «цветному» населению колоний и доминионов базировалось на оценке индивидуальных достоинств человека. Британская метрополия, как считает автор, культивировала в колониях выношенные ею же самую представления о социальной иерархии и господстве закона, поэтому статус в местной иерархии играл гораздо более объединяющую роль, чем расовые различия. Как следствие, при всем «орнаментализме» (многоцветной мозаичности рас и культур), Британская империя на этапе своей зрелости воссоздавала в различных частях света относительно однородный строй, во многом копирующий британские порядки, сплавляющий народы чувством принадлежности к единой нации — не этнической, но политической, гражданской. Со-

гласно автору, поэтому Великобритании удавалось столь длительное время поддерживать в своей империи дух национальной «кооперации» (35).

Первые же отклики на статью исследователя показали, что его концепция воспринимается многими британскими историками как чрезмерная идеализация империи и неправильное толкование сущности нации, с которой могли согласиться социальные верхи и правители колониальных стран, но не угнетавшиеся метрополией «народные массы». Историк из Кембриджа П. Бендэлл (родившийся в Калькутте) иронично замечает, что Кэннадайн устранил из «основной картины» истории Британской империи многочисленные «голодовки, мятежи и убийства», высокомерие англичан и их дистанцирование (в том числе в этническом, национальном отношении), чего, конечно, не сделал бы историк из Индии или Ганы (36).

В 2000 г. накануне всеобщих выборов в Великобритании публикуется доклад Б. Пареха «Будущее мультиэтничной Британии», явившийся результатом работы одноименной комиссии и вызвавший взрыв патриотического негодования граждан Великобритании. Наибольшее неприятие у общественности вызвали предположения автора доклада о том, что по самой своей сути так называемая «британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием.

Несомненно, Кэннадайн и Парех указали на сложность феномена империи, его объединяющую силу для британской идентичности, открыв в ее истории новое концептуальное измерение. Данное видение в значительной мере обусловлено реалиями самой Великобритании конца 1990-х гг., для которой поиск интегрирующей общество межэтнической и межрасовой парадигмы становится внутренней проблемой, государственной задачей. Однако авторские этнографические исследования показывают, что белое, особенно преклонного и юношеского возраста, население Британских островов довольно редко признает свою генеалогическую или национальную общность с африканцами или индийцами, и дело тут не в расизме, а в «элементарном здравом смысле» (37).

Несмотря на болезненность осмысления имперского прошлого, империя остается неким Эльдорадо идентичности (успешной, глобальной, мультикультурной, полиэтничной) – во всяком случае, для ее английского населения (символом этого сегодня стал, например, футбол). Но век империи все дальше и дальше от сегодняшних британцев, тяготеющих к иному рода мультикультурности, локальности, экзистенциальной замкнутости. Возможно поэтому они особенно тепло (по сравнению с другими иностранцами) относятся к современным «колонизаторам» – американцам. Теперь империя американская, как когда-то

британская, простирает на весь мир свои коммерческие сети, демократический строй и идеологию американской мечты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГВС 97.3 FM. 27 June.
2. Головинёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4(25). С. 46.
3. Разработкой особой структуры идентичности — памяти об умерших — посвящена работа Ю.Е. Арнаутовой. «От Memoria к "истории памяти"» // Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С.171–172.
4. Vascon I. Out of Place: Englishness, Empire and the locations of identity. Princeton, 1999. P. 276, 277.
5. Для России опыт Британии полезен и актуален. Имперское прошлое обеих стран, положение на географической периферии Европы, наличие автохтонных национальных сообществ, особой позиции «титულიной нации» — все это позволяет провести впечатляющие параллели, как в истории, так и в современном «кризисе идентичности».
6. Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236.
7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. Специальный выпуск. Память о войне 60 лет спустя. 2005. № 2–3; Halbwachs M. La mémoire collective. Paris. 1967.
8. Определения элит и их функций в обществе (Г. Лассуэла, В. Парето, Х. Хорсхаймера и М. Фуко) см.: Федотова Л.Н. Элита и масса в общественном мнении: проблема социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6. С. 7-18.
9. См.: Kumar K. Nation and Empire: English and British National Identity in Comparative Perspective // Theory and Society. Vol. 29. №. 5. Oct. 2000. P. 576–577.
10. См.: Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. L., 2003. P. 171.
11. Цит. по: Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. L., 2003. P. 6.
12. Colley L. Op. cit. P. 1-6.
13. Цит. по: Паксман Дж. Англия: портрет народа. СПб., 2009. С. 71.
14. Ward P. Britishness since 1870. L.; N.Y., 2004. P. 20-21.
15. Kearney H. The British Isles: A history of four nations. Cambridge, 1989. P. 215.
16. Guibermu M., Goldblatt D. Identity and Nation // Woodward K.(ed). Questioning Identity: Gender, Class, Nation. L.; N.Y., 2000. P. 130-132.
17. Цит. по: Паксман Дж. Указ. соч. С. 72.
18. Robbins K. Great Britain: Identifities, Institutions and the Idea of Britishness. Harlow, 1998. P. 213-214.
19. Buettner E. Haggis in the Raj: Private and Public Celebration of Scottishness in late imperial India // Scottish Historical Review. № 81. 2002. Pp. 212-239.
20. Punch. May 1882. P. 4, 6. См. также: Punch Anti-Irish propaganda (1882). Irish Frankenstein. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: [http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Punch_AntiIrish_propaganda_\(1882\)_Irish_Frankenstein.jpg](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Punch_AntiIrish_propaganda_(1882)_Irish_Frankenstein.jpg)
21. Паксман Дж. Англия... С. 80.
22. Там же. С. 82.
23. Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw their Empire. L., 2001. P. 103-105.
24. Cannadine D. The Context, Performance and Meaning of Ritual: The British Monarchy and the "Invention of Tradition" // E.J. Hobsbawm and T. Ranger (eds.). Inventing Traditions in Nineteenth-Century Europe (Cambridge, 1983; Italian, Portuguese, Spanish, German and Japanese translations.). P. 134-137.
25. Ibid. P. 103
26. Ward P. Op. cit. P. 20-22.

27. Ibid. P. 22.
28. Cannon J., Griffiths R. The Oxford Illustrated History of the British Monarchy. Oxford , 1998. P. 560, 639.
29. См.: Price R. Society, status and jingoism // Grossick G. (ed.) The Lower Middle Class in Britain. L., 1977.
30. Finloe C. Bananas, beaches and bases: making feminist sense of international politics. L., 1989. P. 49-50.
31. См.: Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. N.Y., 1990. P. 90, 91.
32. Cannadine D. Ornamentalism // History Today. 2001. Vol. 51 (5). May. P. 12, 13.
33. Samuel R. Patriotism: the making and unmaking of British national identity. Vol. 1. L., 1989. P. 39.
34. Chater K. Where There's a Will // History Today. Vol. 50 (4). Apr. 2000. P. 26-27.
35. Cannadine D. Ornamentalism. P. 12-13.
36. Bendall P. Beyond Ornament // History Today. Vol. 51 (6). June 2001. P. 61.
37. Излюбленная фраза англичан.

Dina N. Fedorova
BRITISH EMPIRE AND IDENTITY
(on materials of British historiography)

Abstract: In this paper, based on attracting a wide range of research literature, as the British and continental European, studied peculiarities of post-imperial mentality. The author comes to the conclusion that pain in understanding the colonial past, but at the same time emphasizes that the image of the British Empire is still the most important factor in the formation of British identity.

Keywords: post-imperial society; British identity; historical memory.

А.А. Орлова

Орлова Александра Алексеевна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЭЛЬСА

Аннотация: Автор на фоне общей проблемы работы с историческими источниками на электронных носителях пытается ответить на вопрос о возможностях и пределах их использования в изучении новейшей истории Уэльса. Автор приходит к выводу, что специфика электронных текстовых источников заключается в том, что, во-первых, они уже опубликованы (в отличие от архивных), во-вторых, могут быть